

Писатель Георгий Гребенцов

ЛЕТОПИСЬ ТАРУХАНА

Из дневника Георгия Гребенщикова (1924)

Продолжая юбилейную тему, редакция представляет дневниковые записи одного из ближайших сотрудников Н.К. Рериха, сибирского писателя Георгия Дмитриевича Гребенщикова (1882-1964). Фрагменты дневника, который сам писатель назвал «Летопись Тарухана», относятся к 1924 году, к тому самому времени, когда Гребенщиков приехал на жительство в Америку. За полгода до того, в 1923-м, Георгий Дмитриевич в Париже встретился с Рерихом и принял его как Учителя, указующего лучшие пути духа. По настоянию Николая Константиновича Гребенщиков с женой, Татьяной Денисовной, начинает свою деятельность в Нью-Йорке, при Рериховском музее. Там оформляется возглавляемое им издательство «Алатас». Выходят в свет книги: Н.К. Рерих «Пути благословения», А.М. Ремизов «Звенигород окликанный», перевод писем Махатм «Чаша Востока», выполненный Е.И. Рерих, и романы самого Г.Д. Гребенщикова «Былина о Микуле Буяновиче» и «Чураевы». По приезде Георгий Дмитриевич вливается в круг духовно близких людей, сотрудников Музея. Перед ним разворачивается грандиозная культурная работа, начатая сподвижниками Рерихов в Америке. Потрясает ее размах и величие планов, связанных с построением Музея-Храма. Первые впечатления Гребенщикова отражены в публикуемых фрагментах его дневника. Текст «Летописи Тарухана» иллюстрируется старыми фотографиями. Материалы предоставлены Бахметьевским архивом Колумбийского университета и Музеем Н. Рериха в Нью-Йорке.

Главный редактор

1 мая 1924 года. Незнакомое пришло спокойствие, несвойственное ни городу, ни нравам, ни качеству времени. Ведь это Нью-Йорк, ведь это Америка! Как слышал я: соседство роскоши и нищеты, суеты и вечного боя за доллар. А мне легко дышится, у меня нет никакой нужды, вокруг свобода, тишина благоговейная, простор, и радостен мой труд начинается воистину лишь здесь.

Свершился путь чудесный из страны в страну через океан. Это был полет плувунного острова. «Левифан» — кит-рыба во чреве своем примчал нас. Еще ни один корабль и никогда не переплывал через океан в пять суток с часами от Шербурга до Нью-Йорка. «Левифан» был встречен десятками пароходов, несколько оркестров поочередно играли гимн приехавшему на «Левифане» кардиналу, и потому прибытие «Левифана» даже для Нью-Йорка было событием.

Пишу эти строки как знаки далекого прошлого через сегодняшние дни в цепь будущих знакописцев, еще не родившихся, но сущих в реянии молчаливого эфира.

Итак, мы в Америке, и это совершилось так легко, легче, нежели свершить однодневную поездку за город. А давно ли возникла мысль о поездке в Америку?

В прошлом году в мае и июне мы лишь мельком, в связи с поездкою в Америку добрых знакомых, пошутили, что, может быть, и мы когда-нибудь туда поедем. А потом, уже в августе, в связи со сборами Завадских*, снова мимолетно навесила эта мысль. Но приход ко мне Завадского и беседа о Рерихе, и письма к Рериху, и ответ Рериха, его открытка и его телеграмма — не только утвердили эту мысль, но и сделали ее радостной, но малосбыточной мечтой.

И вот пошло всё чудесное, почти неопишное.

Теперь мне кажется, что с того момента, как впервые мы пришли к Рерихам и как, не зная отчего, весело рассказывали и смеялись и, наивные и глупые, болтали о всякой всячине, лишь бы как-то выразить свою радость, — для нас перестали существовать трудности. Неодолимое — одолевалось (вечер с артистами Московского Художественного Театра). Невероятное сбывалось, невыразимое — высказывалось ясными, простыми словами.

И не хочется описывать житейски-суетные дни, недели, даже месяцы, когда одолевали разные сомнения и когда заботы о земном и будничная суета закрывали путь к легкому мосту через ночь к утру.

Но уже после первых писем, полученных из Америки, когда почуялось, что у нас там есть никогда не виданные нами братья и сестры и что мы можем их любить более чем родственной любовью — пути труда и достижения чудесно облегчились.

Думаю, что если бы собрать все письма, писанные мною в Индию и в Америку, — какая пестрая картина шествия по дебрям к свету могла бы составиться. И потому не буду повторяться. Лишь скажу, что чудо за чудом сплетались в длинную гирлянду, по которой не только без труда, но окрыленный радостью, я как на воздушной качели перекачнулся через океан. И здесь был встречен более чем родственно — чудесно, удивительно красиво. Даже чужие, строгие чиновники встретили приветливо, точно зная, что открывают врата к ступеням Храма, на которых преклонил свои колена 29 апреля ровно в 2 часа. Описание моего первого ощущения в Алтаре Храма, в музее Рериха, я дал в моем первом письме на Гималаи.

Теперь буду вести короткие записи о фактах наиболее значительных. Великая и сладостная радость делать это.

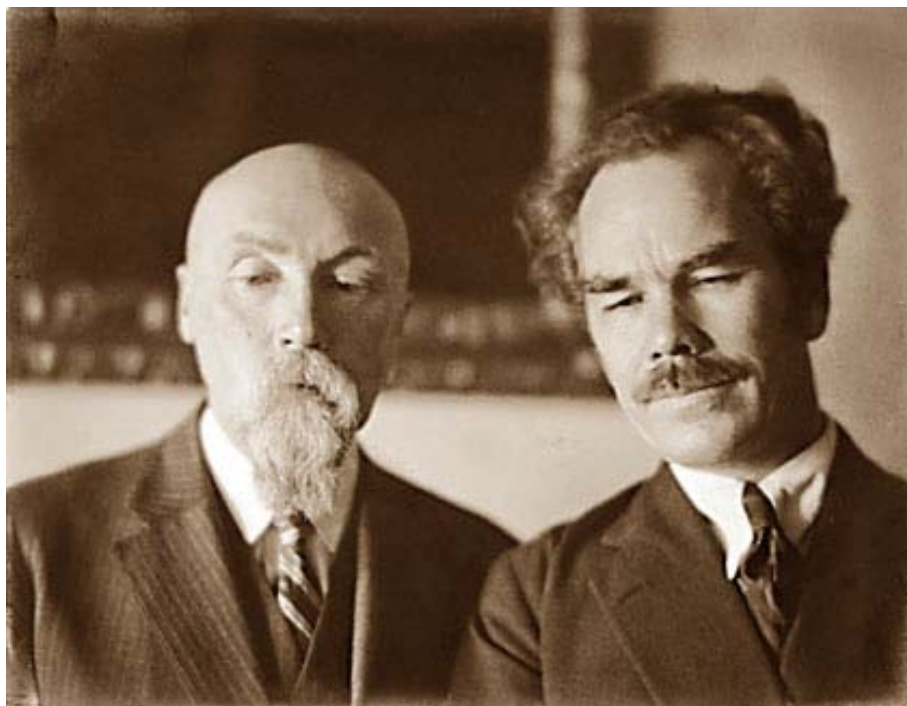
Слышу, доносятся то из одного, то из другого придела Храма звуки музыки, точно благостные капли света и дождя. Это падают стрелы благословения с горных вершин.

2 мая. До боли жаль, что вчерашний день не описал вчера же. Но уже пролетело четыре ночи и три дня, и все их жаль, как упущенных птиц; от крыльев их повеяло запахом святости, я не успел насладиться ароматом их ветра.

Уже третье утро я встаю раньше нежели всегда и считаю минуты до ухода в Храм.

И вот иными, новыми, молодыми шагами сегодня шел я по солнечной улице, и даже минуты в толпе, под землею, были незаметны — ибо я не шел, а летел.

* Завадские Василий Васильевич, композитор, и его жена Мария Алексеевна, пианистка, в эмиграции проживали во Франции. Там В.В. Завадский познакомился с Н.К. Рерихом, написал сюиту на стихи Рериха «Цветы Мории». Вместе с Г.Д. Гребенщиковым и А.Н. Ремизовым входил в парижский кружок Живой Этики. В 1924 г. Завадские переехали в США.

Н.К. Рерих и Г.Д. Гребенщиков. Нью-Йорк, 1929

И сразу, как только стал приближаться к паперти Храма, — я почуял свежее дыхание реки и земли, и рука моя невольно обнажила голову еще на ступенях.

Как люблю я секунды входа. Тишина и особый аромат чистоты встречают и приветствуют меня. Третье утро вхожу, и никого у врат — свободен вход, и нет никакой стражи. Но направо в глубине зала «Корона Мунди»* бесшумно сидит девушка. Стук ее письма тает в мягкости и величии тишины.

Легкой поступью всхожу по скользящим, точно восковым, ступеням и чую, чую, как мне благостно сознание, что наконец-то я у заветной, ранее неведомой мне цели. И как будто дома, дома! Так уютно и ласково. И начинается неторопливая поспешность вдумчивого, робкого усердия в труде, который перестает быть трудом, но делается только радостью. Но еще о минуте входа... Когда подошел ко Храму и когда почуял на лице дыхание свежести, услышал первые звуки рояля, тихие, но первые, детски-неуверенные, как шаги по горной тропе, и вместе с ними, вместе с прикосновением прохлады ветерка почуял, что это дыхание горных вершин —

* Международный центр искусств «Корона Мунди» (Венец Мира) был основан Н.К. Рерихом в Нью-Йорке в 1922 г. Центр представлял искусство разных наций. В 1924 г. была показана выставка русских икон, позже — тибетского искусства и т.д. После отъезда Н.К. Рериха в Индию центром «Корона Мунди» руководил его сын, художник Святослав Рерих.

безмолвная благословляющая улыбка Гималаев. Чуете ли вы эти минуты, сущие на Гималаях? О да, вы их чувствуете, ибо это вы их посылаете. И знаете, здесь их чувствуют все вами наученные, каждое утро и каждый день тихо и молитвенно благословляют вас тихими безмолвными минутами благоговейного труда.

...Льются и льются неуверенные звуки — это шаги девушек и юношей по горным уступам. Они ходят по склонам горного Храма сего, и они ищут путей к светозарным вершинам. И найдут их, и принесут дары — чистоту сердец своих и веры, и неиссякаема будет радость Чаши Вашей, Радость творящие. Возрадуйтесь же, Чашу несущие!

Только что этот образ прикоснулся ласковым лепестком к моему сознанию, как входит Авирах* и говорит:

— Я хочу вам показать одного чудного русского мальчика.

Он ведет меня в один из клиросов Храма, и там я вижу стоящего у струн просто и доверчиво улыбающегося мне отрока; тонкие черты лица, глубокие темные глаза, полные тихой ласки, и иконописный нос — длинный и тонкий, и весь его вид — гармоническое воплощение ангела. Он вопросительно взглянул на своего учителя, послушно сел и стал играть для меня. И вот услышал я невероятное могущество звуков, извлекаемых маленькими пальцами. Проиграл одно, и еще проиграл другое, — и не мог я сказать ему похвалы словами, но подошел к нему, погладил его волосы и поцеловал его чистый, открытый лоб. Минута для меня незабываемая...

3 мая. Вчера вечер проведен у Логвана**, под ласковой улыбкой Порумы***, у стола, за трапезою. И сказала Порума: у нее много родных и близких, но она не любит быть в гостях и не принимает у себя, но присутствующих принимает радостно. За столом вспыхнул ярким светом разговор о Николае Константиновиче и Елене Ивановне и держался все часы и минуты, сам собою, озаренный радостью.

Потом я прочел начало своего дневника в Америке, то есть то, что написал вчера. Смотрели фотографии всё с Ними же, о которых была речь.

Из рассказов Радны**** знаю о том, как одна учащаяся, слепая 22-летняя девушка, скоро выходящая замуж, осматривала музей Рериха... И после объяснений Радной нескольких картин она решила, что как только выйдет замуж, то на все свои деньги — 50 долларов, данные ей для приобретения самого необходимого, она купит картину; и будет у них с мужем (а жених ее тоже слепой) самая большая радость — картина — красота в доме...

Сегодня начал запись поздно потому, что с 9 часов был захвачен чтением новой статьи Рериха «Струны Земли». Не восторг, но веление разума и веры требуют преклонения перед силою Его слова. Эту вещь в большом русском журнале напечатать так необходимо!

* Авирах — Лихтман Морис Моисеевич (ум. 1948), пианист и композитор. С 1920 по 1937-й — активный сотрудник созданных по инициативе Н.К.Рериха культурных учреждений в Нью-Йорке. Автор ряда статей о Н.К.Рерихе. Муж З.Г.Лихтман.

** Логван — Луис Хорш (1888-1979), американский бизнесмен, президент Музея Н.Рериха в Нью-Йорке. В 1920-е годы и до середины 1930-х финансировал Рериховские учреждения в США и других странах.

*** Порума — Нетти Хорш (1896-1991), президент Американского Общества друзей Музея Рериха; жена Луиса Хорша.

**** Радна — Зинаида Григорьевна Лихтман (урожд. Шафран, с 1939 — Фосдик) (1889-1983), директор Института Объединённых Искусств при Музее Н.Рериха и вице-президент Музея.

Вспоминаю, как 1 мая Порума вошла к нам в наш новый офис с букетом сирени, и сирень эта сейчас благоухает, а Логван сегодня сказал, что Бог любит цветы, и именно сиреневого цвета, и потому здесь, в Храме, всегда и всюду цветы.

Вчера она принесла книгу Тагора «Гитанджали», из которой я прочел на уроке несколько строк, дивных по глубине и красоте.

Вспоминаю первый момент прибытия на «Левиафане».

Долго несколько пароходиков толкали лбами его в бок, чтобы пододвинуть к борту — едва-то он поворотил свое величие.

Между тем, с нами происходило чудо. Мы уже прошли через медицинский осмотр. Доктор-офицер — смотрел в наши глаза каким-то особенно добрым и проникающим взглядом. Мне даже велел снять очки. А чиновник, дающий пропуска, сидел в столовой и многих любезно пригласил посидеть и подождать, что значило, что их или отправят на «Остров слез», или вернут назад. И вот мы подошли к нему, и первое, что мы услышали, нам было сказано на русском чистом языке:

— Где вы родились?

Затем:

— Долго ли вы думаете здесь быть?

Я сказал, что шесть месяцев, а может быть, и больше, но он ответил:

— Нет, вы, вероятно, здесь останетесь надолго.

— Нет, я хотел бы возвратиться в Россию, и особенно в Сибирь, — сказал я.

— Да, все русские хотели бы вернуться, но это не всем возможно.

Между тем, заинтересовавшись моими бумагами, он взял из них монографию-каталог Музея Рериха и стал медленно ее перелистывать, а перелистывая, спросил: какие еще учреждения имеются у м-ра Х[орша]?

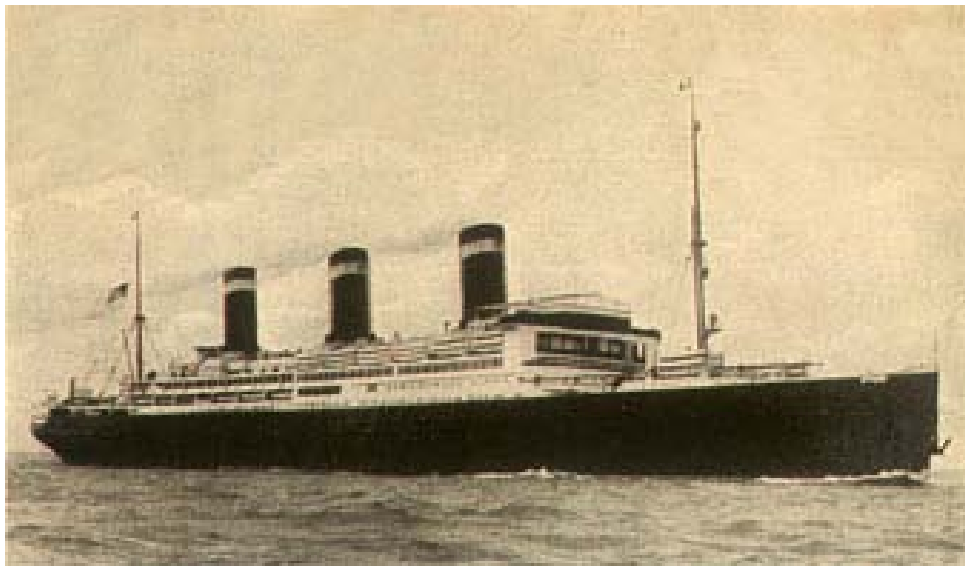
Т[атьяна]* показала на объявления, но он их не смотрел и затих на несколько минут. А потом, не смотря на паспорта и на визы, — взял и подписал пропуска. Это было так невероятно легко, что, отойдя, я немедленно вернулся и спросил его адрес. При этом я сказал ему, что я хотел бы имя его укрепить в своем сердце. Мы разговорились, и он дал мне карточку и адрес. Имя его — м-р Янковский, тот самый человек, который был послан раньше, но с которым так и не пришлось увидеться и говорить об этом моим друзьям.

Порума привела сейчас ко мне в комнату самого младшего ученика, пятилетнего скрипача Геттера, — такой чудесный карапуз с крошечною скрипкой.

5 мая. Пишу назавтра после великого дня, полного радостей от посещения Храма и тревог за брата Морей**. Позавчера в 1 час дня получили известие: З[авадские] прибыли на «Аквитании» и спущены на берег. Их ждали только в понедельник, так как они приехали в 3-м классе и попали на «Остров слез», откуда их должны выпустить лишь после суда. Но Л[огван] предпринял многие и своевременные шаги. Еще за два дня послал радио на «Аквитанию», потом послал специального агента на «Остров слез», чтобы передать 50 долларов, ибо у З[авадских] не было что показать властям. Потом тот же агент должен был встретить, заступиться и

* Гребенщикова (урожд. Стадник) Татьяна Денисовна (1896-1964), вторая жена Г.Д. Гребенщикова, до эмиграции — балерина Мариинского театра в Петрограде, медсестра Красного Креста во время Первой мировой войны.

** Морей — В.В. Завадский.

Трансатлантический лайнер «Левиафан»

помочь. Так всё и было сделано, и потому З[авадские] появились на берегу двумя днями раньше.

Немедленно поехали на пристань: Авирах, Модра*, С[офья] М[ихайловна]** и мы с Т[атьяной] — пятеро. Заботами С[офьи] М[ихайловны] уже было им найдено светлое удобное прибежище. Но когда пришли, то минут пять стояли у порога: не было ключа, а по звонку никто не открывал. И здесь впустили их не сразу.

Только вошли в комнаты, З[авадский], осмотревши их, сказал М[арии] А[лексеевны]: «Только тебе, моя милая, негде второго рояля поставить». Я должен был заметить: «Сначала надо об одном подумать...» С[офья] М[ихайловна] накупила всяких яств и стала угощать гостей. Только ушли Авирах с Модрой и С[офья] М[ихайловна] — примчались Логван и Порума. А вскоре пришли Радна и Ояна***. Таким образом в первые же два часа все принесли свою братскую ласку.

Когда все ушли, З[авадские] рассказали нам с Т[атьяной] эпопею своих унижений. Ехали они в общем 9 дней. Кормили их ужасно. Воздуха не было. В [Атлантическом] океане была непрерывная буря. Шесть раз был медицинский осмотр, причем несколько раз М[арию] А[лексеевну] раздевали при врачах-мужчинах до-

* Модра — Фрэнсис Грант (1896-1993), журналистка, вице-президент Музея Н. Рериха, директор издательства «Рерих Музеум Пресс». Близкий сотрудник Рерихов, организатор движения Пакта и Знамени Мира в Латинской Америке.

**Софья Михайловна Шафран (1871-1954), мать Зинаиды Лихтман. Входила в круг ближайших сотрудников Н.К. Рериха в Нью-Йорке.

*** Ояна — Эстер Лихтман, журналистка, близкая сотрудница Рерихов (до середины 1930-х), вице-президент Института Гималайских исследований «Урусвати». Автор эссе о Н.К. Рерихе, изданного под псевдонимом «Жан Дювернуа». Родная сестра Мориса Лихтмана.

нага и, под наблюдением врачей-мальчишек, сестры милосердия искали у нее насекомых. Приняли они всё это покорно, как испытание.

Назавтра в 10 часов утра Логван назначил свидание в Храме.

7 мая. Сегодня с утра началась первая страшная гроза над Нью-Йорком. Я вспомнил, что сегодня инкорпорируется «Алатас»*, и подумал так: «Ага! Это каменными сапогами идет могучий “Алатас”! Да будет благословен приход его». Весь день мы провели в работе с прибывшими книгами, которые вчера почти одни с Т[атьяной] подняли на третий этаж, и несмотря на то что мне врачами запрещен быстрый подъем на лестницы, я раз 15 поднялся с тяжестью книг и все-таки не почувствовал большой усталости и даже спал всю ночь крепко. Так радостна всякая работа в Храме.

Авираху и Логвану и всем сестрам понравилось наше изобретение книжных шкафов из укупорочных ящиков, пришедших из Парижа с книгами и подлежащих выбросу в мусор. Мы счастливы, что наша работа смягчает атмосферу, насыщенную заботой о судьбе З[авадских].

11 мая. Вчера сильно заболела Т[атьяна], но вечером к 7.30 все-таки в постели была готова к субботней молитве Учителю. Боялся я, что не придут З[авадские], ибо утром М[ария] А[лексеевна] на приглашение их ко мне Авираху сказала: «Кажется, в эти часы еще не кончается служба в церкви». Но на службе они успели побывать и к 8-ми часам были у нас. Сначала житейское и суетное, больше о неудачах их поисков работы. Но в 9 часов Т[атьяна] прервала болтовню и с постели призвала к порядку. Мы подсели к ней, и книга Учителя водворила благостную тишину. Затем более часа мы читали послание с Гималаев и сладостно обсуждали его. Но в 11 часов опять ворвались житейские заботы М[арии] А[лексеевны], получившей тяжелое письмо от сестры, и более часа нам всем пришлось увещевать М[арию] А[лексеевну]. Лишь новое чтение послания («Струны Земли») снова внесло свет, и в 12 часов разошлись с облегченным чувством веры в грядущие дни.

Сегодня новые получили привет Учителя: «Молитвою ко мне, без корысти, а трудом для блага вы в Храм войдете». Мне это передала Радна, и я радостно сообщил ей, Логвану и Авираху о светлом вчерашнем вечере.

К часу пришел Морей, но снова заставила себя ждать М[ария] А[лексеевна], по приглашению Л[огвана] и Порумы все пошли завтракать. Т[атьяна] отсутствовала, так как была в постели.

С двух часов снова созерцание Музея, а в 4 часа дня Морей впервые проиграл и напел для Круга «Цветы Мории». Я радостно наблюдал за его вдохновением во время объяснения текста и радостно заметил, что его композиция всем понравилась.

Вечером Радна сообщила: «Сегодня был для всех радостный прекрасный день».

И даже М[ария] А[лексеевна] значительно посветлела, хотя и говорила о своих неизбывных заботах «устроиться» и помочь сестре и матери. Но как судить за эти тяжкие заботы?

* Издательство «Алатас» организовано на паях Н.К.Рерихом и Г.Д.Гребенщиковым в 1923 году в Париже. 7 мая 1924 года, инкорпорировано Музеем Н.Рериха в Нью-Йорке.

14 мая. Т[атьяне] значительно лучше. Но она еще в постели. Вчера был концерт студентов Института и был чудный вечер. Не помню в жизни более торжественного и радостного вечера. Всё в Храме излучало красоту. Каждый уголок видел я по-новому. Первым играл сонату Бетховена мистер Мозес — слепой пианист. Сразу дух и мысли были возле наших Вождей, и Вожди были с нами непрерывно. Девушки и девочки играли так уверенно и сильно, будто они родились пианистками. Между тем, одна из лучших концертанток итальянка Тереза Феррентино, завершавшая программу, еще недавно была швеей. Тихо радовался Авирах, любясь своими учениками, радостно сияла Радна, быстрым взглядом руководил Логван и всем и каждому успевал сказать ласковое слово. После концерта все мы долго не хотели расходиться. К концу пришел замученный Морей и тоже засиял.

15 мая. Вчера получилось сразу три письма с Гималаев. Одно из них мне было дано для чтения, так как остальные переводятся. Не назову именем ту тишину, в которую я погрузился, прочитавши строки о книге Тарухана*. Приемлю благоговейно всякое слово, но не способен пока ответить. Не знаю, почему, но я боялся, что книга не будет одобрена. Теперь мне даже грустно стало: стою ли я тех слов, какие сказаны и написаны на Гималаях? А сказаны там такие слова: «Радость Сибири, взрастившей этого большого человека». Приемлю, как слова присяги, эту строку: буду стараться приносить всю чистоту души и мысли как платеж за эти обязывающие слова доверия. Кстати, выпишу строки из писем к Тарухану.

Бальмонт от 23 апреля: *«Всегда чувствую в Вас крепкую целину души. Ваше творчество — светлая лесная криница. Ваша “Былина” слиток силы и русского “жалею”».*

Эмиль Оман, профессор Парижского университета, от 26 марта: *«Теперь идут у нас экзамены, да и курсы, и я завален работою; все-таки не стерпелось, я начал читать и не мог остановиться до конца первого рассказа. Этот рассказ — чудо; если остальные выйдут так же удачно — Ваше новое произведение будет шедевр новой русской литературы».*

Поль Буайе, директор Парижского Института Восточных языков, от 20 апреля: *«С величайшим удовольствием, залпом, я прочел Вашу великолепную “Былину”. Все любители русской речи должны быть Вам благодарны за то, что Вы пишете простым, ясным, животворящим, прекрасным русским языком. Вы сразу классик, заслуга не малая».*

Не личною радостью радуюсь, а радуюсь тому, что мог порадовать дающих радость, тех, кто — сами воплощение радости. Как это теперь я начинаю понимать! Ведь и Он мне тихо и радостно улыбается. Какую это дает несокрушимую силу! Только бы выдержало хрупкое тело, столь несовершенное и подверженное усталости!

18 мая. Вчера в 1 час дня Нару** пришла на работу. В 3 часа Логван позвал нас вниз на детское собрание. Малыши, до десяти количеством, сидели в просторном классе драмы и балета, а Порума им читала небольшую лекцию о весне. Потом

* Тарухан — духовное имя Г.Д.Гребенщикова. Здесь писатель говорит о себе в третьем лице. Речь идет о его книге «Былина о Микуле Буяновиче. Роман в трех частях» (Париж: Алатаз, 1924). Переиздана в Москве в 2003 году издательством «Ариаварта-Пресс».

** Нару — Т.Д. Гребенщикова.

Круг сотрудников Музея Н.Рериха. 1920-е годы.
Вверху: Луис Хорш и Морис Лихтман; в центре: Нетти Хорш и Эстер Лихтман; внизу: Фрэнсис Грант, Софья Шафран и Зинаида Лихтман

ее сменил Логван и, показывая на экране ряд старинных картин, прочел интересную лекцию о мозаике в искусстве. У волшебного фонаря сидела Модра. Потом дети рассказывали. Самая маленькая очень замечательно прочла стихи. Затем играли на пианино, и некоторые из девочек играли превосходно. Последним играл на крошечной скрипке пятилетний музыкант. Когда его игра вызвала смех публики, он угрожающе опустил смычок и начал игру снова лишь после того, как водворилась тишина. После концерта дети долго не хотели расходиться. Дети были исключительно еврейские. Некоторые с матерями.

Вчера вечером в 8 часов, как всегда в субботу, мы с Нару сели за книгу. З[авадские] запоздали на полчаса. Лишь к 9-ти мы приступили к чтению, потом перешли к «Струнам Земли», легенды и картины которой настроили красиво Морея...

Логван только что возил нас по Нью-Йорку. Мне неприятно, что он затратил на такси целых 5 долларов, но мне радостно, что Логван показал мне первую Школу на 54-й улице* — начало скромное и светлое, и умело показал Нью-Йорк ночных удовольствий, театр, Нью-Йорк миллионеров, Нью-Йорк деловой, главную библиотеку, Нью-Йорк около Централь-парка и самый парк, Нью-Йорк цветных нарядов — городской колледж, на горе великолепную симфонию готических зданий, Колумбийский университет и вывез нас опять на чудную, самую лучшую — Риверсайд.

Описывать эти впечатления рано. Пришли в Музей, хочется в нем быть, и даже не пойдем сейчас обедать...

21 мая. Вчера вечер провели у Логвана. Чудный вечер — рассказов Модры, Порумы и Логвана, со вставками Авираха и Радны, о том, как они пришли впервые к делу служения Благу. Детали знакомства с Рерихами поразительны и трогательны. И опять среди всех было радостное чувство и сознание присутствия тех, кто в жизни воплощает красоту и мудрость.

25 мая. Вчера субботу провели у нас, за чтением посланий Апостола Павла. Разговор опять-таки носил оттенок неровности, но в общем горе М[арии] А[лексеевны] и Морея заметно облегчено, тем более что от Нины получена бодрящая телеграмма. Девочка явно справилась с ударом находчивее старших.**

Сегодня утром были в церкви на панихиде по Е[катерине] Ф[едоровне] и простояли обедню, после которой священник произнес проповедь, точно нарочито для нас назначенную. Он повторил из Евангелия слова Христа, сказанные бедной самарянке на ее вопрос: где должно поклоняться Богу? — А именно, что поклонение Богу важно в духе, но не в месте. И вот священник построил свою проповедь на явном и мучительном противоречии, сказав, что православные христиане должны поклоняться только в своем храме и только по канонам православной церкви. Было неловко слушать эту мучительную ложь в устах проповедника.

* Школа (позже — Институт) Объединенных искусств была первым учреждением, основанным Н.К.Рерихом в США (Нью-Йорк, 1921). Она начиналась в одной комнате на третьем этаже приходского дома греческой церкви, на 54-й улице. В 1923 году Школа переехала в здание на углу 103-й улицы и Риверсайд Драйв. 17 ноября 1923-го в этом здании состоялось официальное открытие Музея Н.Рериха.

** Нина — младшая сестра М.А.Завадской, проживала с матерью Екатериной Федоровной в Париже. 23 мая 1924-го в Музей пришло сообщение о смерти Екатерины Федоровны.

В 2 часа мы были, разумеется, в Музее, ибо встреча здесь всех и созерцание картин дает всё новые и новые радости...

Весь остаток дня я провел в беседе с Логваном, конечно, по-английски, потом я должен был Авираху рассказать кое-что о делах Завадских. Между прочим, о том, что у них в Париже погибает разных драгоценностей на 600 долларов, да в Лондоне на 400-500. Между тем, если бы это выкупить (нужно 180 долларов), можно было бы продажей этих вещей в Нью-Йорке покрыть часть долга Морю Логвану. Логван пошутил: «Вы уверены, что у Морю одна, а не несколько сестер в Париже». «Она выйдет замуж и придет с мужем, но без этих драгоценностей», — опять шутил он, и я испытывал мучительную неловкость, будто за себя просил. Как радостно, что я уберегся в свое время от долгов.

В 7 часов, идя вместе с Логваном и Порумою к их дому, я направо увидел надпись о свободной комнатке, и через десять минут мы с Т[атьяной] сняли ее у одной ирландки за 45 долларов в месяц. Для нас деньги громадные, но лучше и дешевле не нашли и в глубине шумных и грязных улиц, а здесь на одной из лучших улиц нам послано именно в одном квартале от Храма и напротив дома Логвана спокойное и чистое гнездо, где, я знаю, придет много лучших мыслей о делах и образе для работы.

Еще деталь сегодняшнего дня: Логван был сегодня после нашей беседы особенно светел и показал мне одну из кладовых «Корона Мунди», где лежат несметные сокровища — старинные мастера разных эпох, народов и школ. Я видел, как любит и понимает это Логван, и я видел, как он ценит старину, против путей которой часто восстает. Я думал по этому поводу: не надо отрицать всё старое, ибо оно дало нам зерна настоящего и будущего. Нельзя сжигать зерна пшеницы, прошедшей через тысячелетия. Другое дело, на что мы эти зерна направим. Ведь из зерна можно делать алкоголь и хлеб насущный.

26 мая. Сегодня Логван пригласил меня и Авираха в его дело в Даун-Таун. Увидел и услышал я из нескольких коротких разговоров по телефону, из нескольких распоряжений и значительных жестов, какой сложный и гениальный коммерческий аппарат находится на плечах Логвана. Та быстрота соображений, вычислений, взгляда в пространстве и во времени, а главное, то мужество и твердость, с которыми только и можно вести этот неустанный бой с окружающим адом, — это так же редко, как редко гении в искусстве или на войне.

Познакомил меня Логван и с новым своим делом — серебра, начатым всего лишь 5 месяцев назад, и увидел я, что это дело уже получило свою яркую историю в огляде зорких глаз Логвана. Ибо и тут опять-таки масштаб не местный и не личный, но всемирного значения. И финансово-торговый гений Логвана озарен, кроме того, особым смыслом, которым озарены дела Учителя. Так и заносу себе на память: в битве злых и светлых сил мы должны уметь держать всякое оружие, и оружие Логвана в Даун-Тауне есть меч духа.

После обозрения дел и книг, счетов и особых часов со штемпелем, показывающим минуты и секунды, мы спустились вниз, в тот самый ресторан банкиров, где кушают властители материального мира и где в один из светлых дней за скромным столом начата была с Н[иколаем] К[онстантиновичем] «Корона Мунди».

— А теперь мы начинаем Алтай, — прибавил Логван и посмотрел на Авираха с особою улыбкой...

Далее я сказал, что всё лучшее, великое и новое я считаю в том, чтобы мы были каменщиками при постройке храма объединенных вер, но этот храм не должен быть ни православной церковью, хотя бы и с мировым значением, ни мусульманской всемирной мечетью, ни еврейской всемирной синагогой. И для меня было бы неисправимым оскорблением, если бы я ошибкою попал в число каменщиков только одного из этих храмов. Нет, я несу всю чистоту сердца, всю готовность жертвовать собою только для храма, в котором бы могли найти свои алтари все веры мира, как бы они ни были бедны или несовершенны. Вот почему я не считаю ни за каким народом самонадеянного наименования себя избранным. Радуга составляется из разных оттенков, и каждый цвет огня, горящего в ней, по-своему прекрасен. Нужно отыскать гармонию распределения и слияния этих цветов в радуге всемирного значения.

Логван после обеда сказал мне:

— Сегодня был большой день.

Сейчас, придя в офис, встретил Морюя и М[арию] А[лексеевну]. Они как-будто получают какую-то хорошую работу оба и через час идут для переговоров. Это было бы великим облечением для всех и особенно для Логвана. Кроме того, работа — прекрасный лекарь от излишних слов, столь мешающих пониманию обстановки и собственных прав и обязанностей.

И так, без лести и корысти, но с прямым бесстрашием и проще, хоть медленно, но двигаемся по указаниям.

31 мая. Только что отошел детский концерт. Выступало свыше двадцати, начиная с пятилетнего скрипача и кончая взрослыми девушками.

Это было трогательное событие. Много мыслей и образов пришло ко мне, и между ними были большие. Какие-то эскадры нерукотворных облачных всадников неслись в глубине лазури неосязаемой и красочной бурей и стуком копыт по льду пустынь небесных создавали гармонии неслыханно чудесные. И эти мысли вызывали не столько звуки, извлекаемые слабыми ручонками, но именно вид трогательных детских голеньких коленок и малюсеньких пальчиков вызывал огромную, всепроникающую любовь к детям, а для них и ко всем взрослым. Ко всем невиноватым в неведении и нищете духовной. И странным казались опасения мнимых врагов. Перед этой любовью, как перед лицом огня, таяли льды всякого сопротивления, и такой любовью, только такую, надо заражать приходящих и приближающихся. Ибо она всепобедна, она несокрушима и бесстрашна, но устрашающая.

Слепые играли. Сегодня три слепых: один мальчик и две девушки. Всегда это так ясно: на слепом и наряд слепой. Какие-то, как ни старательно одернутые складки, все-таки были слепые. И слепые движения, и слепая грусть, но зрячи были звуки и всепроникающи во тьму бессмертия. И вот символ: есть в этом слиянии слепого со звуками какая-то неземная зрячесть, какая-то радость запредельная. И хочется сказать: мы подали свет музыки слепым, почему же мы иногда пытаемся свет духовный сделать светом только видящих и избранных? Пойму ли я когда-нибудь любовь, направленную лишь к хорошим и безгрешным? Нет, когда я люблю сегодняшней любовью — я непобедим, и можно ли меня заставить ненавидеть злых и темных? Только жалость к ним, несчастным, и желание победы их светом милости несокрушимой.

И вот что я еще увидел и сокровищем нетленным сберегу в душе своей. Выступала маленькая черная скрипачка Альма Крезе, негритоска, точно для большего контраста наряженная во все белое и с белым большим бантом в мелко-кучерявых сизо-черных волосах. Белыми снеговыми точками мелькали клубки глаз ее, когда она искала ноту. И вот эта-то черная капелька иной, здесь всеми белыми избегаемой расы, была встречена единодушными рукоплесканиями переполненного зала. И еще единодушнее было приветствие, когда Альма кончила свою игру. Победно блеснуло черное и белое в глазах и перелилось в пламень радости.

Это символ слияния контрастов. Это была радость истинного братства на земле. И я почуял, как стены храма раздвигаются и падают преграды между расами. И всё становится любовью, и в мудрой похвале врагов я вижу именно любовь, которую надо понять, понять со всею широтой всегда растущих душ и крыльев.

— Да, — сказал я Логвану. — Вижу, что через год и в двух домах не поместятся приходящие учиться здесь любви и радости.

Это тронуло его. Он чувствительно и тонко реагирует на всякое движение души, но иногда какую-то заученностью веет от его поспешных слов об Учителе. Видимо, горит он своим особым, несколько прохладным огнем духовности.

И, видимо, символически в нем уживаются тончайшие мелодии понимания Учителя с тяжким грохотом материализма. Очевидно, так оно и нужно там, где надо проводить слепых и нести Чашу по земным тропинкам...

Всегда радуюсь, когда жизнь и факты побивают мои сомнения в людях. И хочу этих побед над собою. Считаю себя достаточно мускулистым, чтобы снести любой удар по телу, лишь бы дух мой укреплялся в вере. А главное, чтобы не омрачалась радость и праздник труда не перешел бы в будни.

Не хочу видеть в людях полубогов и не желаю их безупречной святости — пусть будут земными и не надевают риз ангелов, но пусть будет все грубо-материальное обращено ко благу. Стук постройки часто неприятен, и много мусора возле огромных строящихся храмов. Но пусть строители не забывают, что кроме стен и крыши и окон и украшений в храме обитает Бог, но Бог — Милость, Бог — Радость и Любовь, Бог — Свет всепобедный. Вне такой любви всесозидающей — не верю в Бога. Господи, прости меня, но если Ты — жестокость, я кощунственно кричу Тебе, что не люблю Тебя, жестокого!.. Беспощаден будь ко злу, но не жесток к добру...

Поймите это всей глубиной сердца и широтой духа вашего. Или же судите меня со всею беспощадностью, но не отнимайте у меня веры в Бога Всеблагого, пусть сурового, но и в суровости любовь творящего — и повторяю, что и в любви и милости нуждаются не добрые и праведные, но только грешные и злые. Ибо сказано: зла нет, есть лишь несовершенство.